

Маево побоище

А и бежала калика перехожая
А от того от моря от Студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
Она по три дни бежит, по три ночи,
Не пиваючи бежит, не едаючи.
Прибегала ко матке Елесей-реки,
Захотела калика тут попить и поись,
Она попить-поись и тут огня добыть,
Огня добыть, платье повисушить.
Не юспела калика опочиниться —
Накатается вдруг туча темная,
А бы тёмна туча, туча грозная:
Навалилося Ёрда неверная,
Прибегала собака — Кудреванко-царь,
Он со тим со зетем со Киршиком,
Он со тим со сыном со Миршиком.
У его, собаки, силы множество,
Прибегала ко матке Елесей-реки.
Он мосты мостил тут калиновы,
Перекладины кладет все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится
Через ту-де матушку Елесей-реку.
Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернobarхатны;
Ёт того-де от пару лошадиного,
От того ёт духу человеческого
А и поблёлло красно солнышко,
Помертвел батюшко светёл месяц,
А и потерялися ле тут да звезды частая,
Звезды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле, у собаки, силы множество,
По праву его руку сорок тысячей,
По леву-ту руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
Позади его да числа-смету нет.

Он кабы сам ён, собака, заговоршык злой,
Ён кабы стал по силы поезживать,
Кабы стал он силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буёвая,
Не кололо бы копейцо бурзомёцкое.
Он как ездил по силы да трои суточки,
Он как бы всю силу заговаривал;
Приежжат тогда-де ён да во черной шатёр,
Во черной шатер, да чернобáрхатной;
Он садился тогда да на ремещат стул,
Брал чернила тогда да со гумагою,
Он писал тут ерлык-скору грамоту,
Он писал-де ноне да в стольный Киев-град,
Ко тому ко князю ко Владимиру;
Он просил у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написал ён ерлык, ой скору грамоту,
Он говорит, собака, Кудреванко-царь,
Говорил он своей силы-армии:
«Из вас бывал ли кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецькому протолмачивал?»
Приходило тут Тугарище поганое,
Говорит Тугарище поганое:
«Я бывал-де смала на святой Руси,
А маленько я по-руському говаривал,
По-немецькому протолмачивал».
А кабы это ноне Тугарище поганое:
Голова Югарища нонь пивной котел,
Кабы юшища — да царски блюдища,
Кабы глазища — да сильны чашища,
Кабы ручища — да сильны граблища,
Кабы ножища — да сильны кичинища,
Вышину-де сам — как трюх сажень,
Шириной Югарище — коса сажень,
Коса сажень да нонь печатная.
Кабы это калика все увидела,
Она все, калика, услышала,

А её оттуль — опять вперед пошла, —
А идет калика в стольный Киев-град.
Приходила калика в стольный Киев-град,
Уж ко той ко грине княженевской,
Как становилась под окошечко косящато,
Как на то на место на калическо —
Как просит тут милóстыню ради Христа,
Как кричит она зычным голосом.
А как в ту пору было, о то время,
У того у князя у Владимира,
Погодился удалой доброй молодец,
Кабы стар казак да Илья Муромец.
Он глядел-де стар да вон на юлицу,
Кабы в ту околенку хрустальную —
Увидал калику перехожую.
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты пойдь скоренько вон на юлицу,
Ты на юлицу, да на круто крыльцо,
Ты зови калику перехожую,
Ты зови калику, низко кланейся,
Кабы эта калика да не плоха была».
Уж и тут бы князь скоро не ослышался,
Побежал он скоро вон на улицу,
Выбегал-де скоро на круто крыльцо,
Он спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тут калике да низко кланялся,
Говорил тут князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко, калика перехожая,
Ты ко мне, ко князю ко Владимиру,
Уж во ту во гриню княженевскую,
Ище хлеба ись да перевару пить,
А затим у меня, у князя, чего Бог послал».
Кабы скоро тут калика нонь идет ище
Как во ту во гриню княженевскую.
Заходила тут во гриню княженевскую —
Она Богу-ту ноньче молилася:
Кабы крест кладет все по-писáному,
А поклон кладет все по-учéному,

А молитву творит полну Сузову,
На вси стороны калика поклоняется,
Как князю со княгиной на особицу.
Говорит тут старый таково слово:
«Приходи-де ты, калика перехожая».
И говорит тут старый таково слово:
«Уж ты ой есь, солнышко Владимир-князь!
Ты сади нончи калику за дубовой стол
И попить и поись, нонь покушати».
На то ноньче князь да не ослышался.
Как становят бы нонь скоро дубовой стол,
Как на стол бы носят всяки кушанья.
И говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ты садись-ко, калика, за дубовой стол
Кабы хлеба ись да перевару пить,
А затим от князя чего Бог послал».
А и бы тут ноньче калика перехожая
Как садится скоро за дубовой стол
Попить-поись, хлеба покушати.
А бы садилось калика перехожая
Кабы пить да ись, хлеба кушати.
А и как пила-де, ела она дбсыта,
А ходила скоро из-за стола еще,
А из стола-де скоро да дубового,
Кабы Богу ту помолилось,
На вси стороны она поклонилось,
И как спасибо она нонь дала ище,
А садилось на лавочку брусчатую.
Уж как подходит удалой доброй молодец,
Кабы стар казак, нонь Илья Муромец,
Ён бы стал ю ей нонь все выпрашивать,
Ён бы стал у ей все выпытывать:
«Ты откуль же, калика перехожая,
Ты откуль идешь, куда путь держишь?
Ты чего, дорогой шла, нонь видела,
Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
Уж как тут ему калика нонь ответ держит:
«Я иду, калика перехожая,
От того ле от моря, от Студеного,

С Алатыря-камешка, от Латыря;
Я бежала, калика перехожая,
Я бы по три дни бежала, по три ночи,
Не пиваючи бежала, не едаючи,
Прибежала я ко матки Елесей-реки,
Захотела тут калика нонь попить-поись,
И попить-поись, да тут огня добыть,
Уж огня добыть, платье повысушить.
Не юспела я, калика, опочиниться —
Накатилосе вдруг тут туча темная,
А темна туча, туча грозная:
Навалилося бы тут Орда неверная,
Прибегал тут собака Кудреванко-царь,
Прибегал ко матки Елесей-реки.
Он как чрез ту-де Елесей-реку
Он мосты мостил все калиновы,
Перекладины кладет да все дубовые,
Переноситце собака, перевозитце
Через ту-де ноньче матку Елесей-реку.
Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобáрхатны.
У его ле, у собаки, силы множество:
По праву руку сорок тысячей,
По леву руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
Позади его да числа-смету нет;
От того ле от пару лошадиного,
Ёт того ёт духу человеческого
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвел батюшко светел месяц.
И как стал он, собака, по силы поежживать,
Кабы стал он силу заговаривать,
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буювая,
Не кололо бы копейцо бурзомецкое;
Он как ездил по силы да трои суточки,
Приежжат тогда-де он во черной шатер,
Во черной шатер, да чернобáрхатной,
Он садился тогда да на ремещат стул,

Брал чернильницу он да с гумагою,
Он писал тут ерлык, скору грамоту,
Он писал-де ноньче в стольный Киев-град,
Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Он просил у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написал ерлык он, скору грамоту,
Говорит-де собака Кудреванко-царь,
Говорит он своей силы-армии:
„Из вас бывал ле кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецкому протолмачивал?“
Приходило тут Тугарище поганое,
Говорило Тугарище поганое:
„Я бывал-де смала на святой Руси,
И маленько-де по-руському говаривал,
По-немецкому протолмачивал“.
А у этого Тугарища поганого,
Голова Тугарища с пивной котел,
А юшища — да царски блюдища,
А глазища — да сильны чашища,
Как ручища — да сильны граблища,
Как ножища — да сильны кичинища,
Вышиной Тугарище он трюх сажон,
Шириной Югарище — коса сажень,
Коса сажень да нонь печатная».
Кабы все ёна им рассказала же,
Кабы все ёно им разведала,
Ище тут нонь калика стала прощатися,
Как бы тут калика опять вперед пошла.
А кабы немного время миновалосе,
Уж немного время прокатилосе —
Приезжает Идолище поганое
Ко тому ко князю, ко Владимиру,
И заходит он во гриню княженевскую,
Он-де Богу тут он не молитце,
Он кладет ерлык на дубовой стол —
И оттуль-де он поворот дает.
Выходило Идолище вон на улицу,

Он как подпадывал своим плечом правым
Как под ту под гриню княженевскую —
Задрожала гриня княженевская;
Тут уехал он, Идолище поганое.
Кабы после того было, после этого,
Уж погодилсе у князя у Владимира
Кабы стар казак да Илья Муромец.
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты стар казак Илья Муромец,
Мы как што мы станем ноньче делати?»
Ой говорит тут старой таково слово:
«Уж как делать-то нам пришло нечего —
Собирать, видно, всех русских богатырей».
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Мы кого же нонь пошлем да за богатырьми?»
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Как послать нам надо за богатырьми
Как того Добрынюшку Микитича:
Ой Добрыня Микитичь роду вежлива,
Он-де вежлива роду, сам очеслива,
Он умет с богатырьми и съехаться,
Он умет с има ище разъехаться».
Как бы тут ноньчи Добрыня скоро снаряжаится,
Он и скоро, Добрыня, сподобляится,
Он пошел бы скоро вон на юлицу,
Он пошел к своему широку двору,
Он уздать-седлать своего коня доброго.
Как поехал Добрыня Микитич брат
Собирать всех русских богатырей,
Он как ездил, Добрыня, трои суточки,
Не пиваючи съездил, не едаючи,
И здоху коню не даваючи;
Как приехал тут Добрыня в стольной Киев-град,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И как собрал всех русских богатырей.
Собралися все, да ёни съехались,
Уж не много и не мало тут было богатырей,
Собралися все ко князю ко Владимиру.
Говорят бы все руськи богатыри:

«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!

Уж мы, что мы станем ноньче делати?»

Говорит им старой таково слово:

«Уж как делать-то ле нам да пришло нечего,

Надо ехать, видно, во чыстó полё».

И говорит стар казак Илья Муромец:

«Уж вы ой еси, руськи богатыри!

Надо нам итти во божию церковь,

Во божью церковь Богу молитися,

Помолится Спасу Вседержителю,

А затим и Миколу-то Святителю,

А затим присветой мать Богородице,

Ой помолитися, благословитися».

Кабы тут робята ноне вон пошли,

Приходили все робята ко добрым коням,

Как сядились робята на добрых коней —

И не видели их поездки богатырскойей,

Как тяжелой побежки лошадиной.

Только видели: робята вскочили,

На кони скóчили, в стремена стúпили —

Только видно: в поле курева стоит,

Курева стоит, дым столбом валит.

И когда едут они по полю по чистому,

Говорит бы тут стар казак Илья Муромец:

«Уж вы ой еси, руськи богатыри!

Нам поставить надо во чисто поле,

Во чисто поле нам белой шатер».

Кабы они, робята, становилисе,

Уж поставили ноньче во чисто поле

Кабы бел шатер, да белобархатной,

Говорит тут старой таково слово:

«Мы кого же ноньче оставим во белом шатру

Берекчи ле, стерекчи золоту казну,

Золоту ище казну богатырьскую?»

Говорит на это юдалой доброй молодец,

Кабы тот Олёшинька Попович брат,

Говорит Олёша таково слово:

«Нам оставить надо во белом шатру

Как старого казака да Илью Муромца».

Говорит тут старóй таково слово:
«Не в уме же ты, Ёлеша, слово вымолвил —
Когда загромят ноньчи палицы бுவевые,
Забренчат ле собельки булатныя,
Не усидеть мне, старому, во белом шатру.
Нам оставить надо во белом шатру
Как того Добрынюшку Микитича —
Он как ездил собирал руських богатырей,
Собирал ездил трои суточки,
Не пиваючи ездил, не едаючи
И добру коню здоху не даваючи,
Как себе спокою не имеючи».
Ой как оставили Добрынюшку Микитича,
Как выходили они из бела шатра
И сядились тогда на добрых коней,
И поехали нонь по полю чыстому;
А как увидели тут силу нонь неверную,
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, руськи богатыри!
Вы иной едьте по праву руку,
Вы иной едьте по леву руку,
Сам я еду середкой, самой матицей».
Уж поехали на ту на силу, на армию,
Не здоровались робята, не крестовались,
Они стали палицами помахивать,
Как вперед махнут — лежит юлица,
Поперек махнут — переулками.
Они били тут, ломили трои суточки,
Не пиваючись да не едаючи,
Как себе спокою не имеючи,
Они били тут-де их да до единого.
Тогда собиралися робята ко белу шатру,
Собиралися, да все съехались,
Заходили все робята во белой шатер,
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Нонь все ли приехали богатыри?» —
«У нас нет двух брата Долгополые,
Лука, Матвей, дети Петровские».
Говорит тут стар казак Илья Муромец:

«Видно, нету их в живых нонь на сем свете».

А как немного время миновалось,
Как приехали два брата Долгополые,
Как приехали они ко белу шатру,
Выходили тут они во белой шатер,
Говорит тут старой таково слово:
«Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
Не считали мы вас живыми на сем свете».

Говорят тут два брата Долгополые,
Как Лука, Матвей, дети Петровские:
«А бы кто нас может победить ноньче?
Кабы было золото кольцо в земле,
Поворотили бы мы мать землю,
Как была бы ноньче на небо лестница,
Мы пресекли бы всю силу небесную».

Говорит им старой таково слово:
«Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
Кабы эти ваши слова богопротивные».

Не юспели тут братья попить-поись,
Кабы эта сила вся восстала же:
Как котораго секли надвое,
Из того-де стало ноньче двое же,
А которого секли натрое,
Из того-де стало ноньче трое же,
Кабы прибыло же силы множество,
Кабы вдвое, втрое, ноньчи веро...
И кабы эта ноньче сила, нонь неверная,
Находити им стала на белой шатер.
Кабы тут все робята зволновалисе,
Выходили кабы они из бела шатра,
Как сядились они скоро на добрых коней;
Опять они стали по силы нонь поезживать,
Кабы стали силу нонь помахивать:
Как вперед махнут — лежит улица,
Поворот дают — переулками.
Они били-рубиле шестеры суточки,
Не пиваючи, да едаючи,
На учас здоху не имеючи,
Кабы били они их до единого,

Не оставили их не единого.
Тут тогда это стало покоище,
Кабы Маево стало побоище.¹

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

1 «Конец былины был мне рассказан на словах, т. к. старинщик больше не мог петь: когда после битвы богатыри собрались в шатер, то увидели, что опять нет двух братьев Долгополых. Поехали искать их и нашли — они окаменели. Увидя это, Илья Муромец сказал: «Чем они похвалились, тем и подавились». (Онч.).

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.